

С. Г. Колпакова

**НЕМЕЦКИЙ ГАМЛЕТ: ПРОРЫВ К ГУМАНИЗМУ
В ДЕГУМАНИЗИРОВАННОМ МИРЕ ПО РОМАНУ Э. ВАЙСА
«ГЕОРГ ЛЕТГАМ. ВРАЧ И УБИЙЦА»**

Аннотация.

Актуальность и цели. Широкий научный интерес представляет проблема включенности национального элемента в иное национальное художественное пространство, в частности творческое наследие В. Шекспира в немецкоязычной культуре. Цель работы – проанализировать функционирование шекспировских образов, тем, мотивов в немецком романе XX в.

Материалы и методы. Предметом исследования являются особенности рецепции шекспировской драмы и реконструкции немецкого образа Гамлета. Основной метод – сравнительно-сопоставительный метод в сочетании с комплексным дескриптивным анализом текста.

Результаты. При анализе текста было выделено несколько типов рецепции Шекспира: цитирование шекспировского текста, аллюзии на трагедию «Гамлет», образы, идентифицируемые с шекспировскими персонажами, комплекс мотивов и гамлетовских ситуаций. Гамлетовские ситуации являются отправной точкой в развитии сюжета.

Выводы. Исследование показало, что гамлетовские ситуации и самоидентификация заглавного героя с образом Гамлета служат для передачи чувства вины в дегуманизованном мире. Отказ от гамлетианства символизирует искупление вины и обращение к гуманизму.

Ключевые слова: рецепция Шекспира в Германии, немецкий Гамлет, Эрнст Вайс.

S. G. Kolpakova

**GERMAN HAMLET: BREAKTHROUGH TO HUMANITY
IN THE DEHUMANIZED WORLD. BASED ON THE NOVEL
BY E. WEISS «GEORG LETHAM: PHYSICIAN AND MURDERER»**

Abstract.

Background. The problem of inclusion of a foreign cultural element into another national art space is of great scientific interest, particularly William Shakespeare's artistic heritage into the German culture. The purpose of the study is to analyze the Shakespearean characters, themes, motifs in the German novel of the XX century.

Materials and methods. The subject of research is the features of reception of the Shakespearean drama and reconstruction of the German character of Hamlet. The main research method is the comparative method in combination with the complex descriptive text analysis.

Results. In the analysis of the text there were found several types of reception of Shakespeare: citation of Shakespeare's text, allusions to the tragedy «Hamlet», the characters identified with the Shakespeare's character, Hamlet's motives and situations. Hamlet situations are the starting point in development of the plot.

Conclusions. The research showed that Hamlet situations and self-identification of the protagonist with the image of Hamlet are used to transmit the feeling of guilt in the dehumanized world. Rejection of Hamletism symbolizes atonement and the turn to humanism.

Key words: reception of Shakespeare in Germany, German Hamlet, Ernst Weiss.

История рецепции «Гамлета» В. Шекспира немецкоязычными авторами берет свое начало еще в XVI в., когда в Германии появляются первые обработки шекспировских сюжетов [1–3]. В XVIII в. творчество Шекспира стало предметом интереса немецких переводчиков и критиков К. М. Виланда, И. И. Эшенбурга, И. Я. Бодмера, Г. Э. Лессинга, И. Г. Гердера, позднее немецких романтиков, находившихся в поисках новых норм и образцов для создания национального немецкого театра. Благодаря И. В. Гете в Германии начинается зарождаться культ Гамлета, который уже к середине XIX в. дойдет до идентификации образов Германии и Гамлета. Знаковым в этом смысле является стихотворение Ф. Фрейлиграта «Германия – это Гамлет» (1844). В дальнейшем на протяжении XX в. это тождество сохраняется, меняется лишь интерпретация гамлетовских поступков.

В XX в. Гамлет – это полифоничная интертекстуальная метафора. К ней в разное время обращаются Э. Вайс («Georg Letham. Arzt und Mörder», 1931), Г. Бриттинг («Lebenslauf eines dicken Mannes, der Hamlet hieß», 1932), Г. Венц-Хартманн («Amleth. Ein Kampf um Ehre, Recht und Heimerde», 1936), Г. Гауптман («Im Wirbel der Berufung», 1936), К. Манн («Mephisto», 1936), А. Деблин («Hamlet, oder die lange Nacht nimmt ein Ende», 1946), В. Йенс («Herr Meister», 1963), М. Вальзер («Der schwarze Schwann», 1964), Г. Кунерт («Im Namen der Hüte», 1967), Х. Мюллер («Die Hamletmaschine», 1978). Образ Датского принца стал для немецких писателей знаковой фигурой при литературных обращениях к немецкой истории двух мировых войн, третьего рейха и послевоенного периода, при обращениях, основанных на двух противоречащих чертах Гамлета: его борьбе с несправедливостью и достижении своей цели насильственным методом.

В начале судьбоносных для Европы 30-х гг. XX в. Эрнст Вайс одним из первых отразил через призму гамлетовского образа тревожность эпохи и проблему вины в исторических катастрофах, над которыми будут размышлять писатели и философы [4] после Второй мировой войны.

Эрнст Вайс (1882–1940) вошел в литературу в 1913 г. с романом «Галера». В 1920 г. он профессионально занялся литературой, оставив карьеру хирурга. На творческий метод писателя значительное влияние оказала эстетика экспрессионизма и «новой деловитости» [5, с. 46]. В 1931 г. Э. Вайс написал последний до эмиграции роман о враче-убийце, посвященный теме искупления своей и наследственной вины.

Подсказку для интерпретации романа Э. Вайса «Георг Летгам, врач и убийца» дает уже анаграмма фамилии как перестановка слогов: Лет-гам – Гам-лет (Let-ham – Ham-let). Повествование ведется от лица заглавного персонажа, хирурга, бактериолога, доктора Георга Летгама. Георг рассказывает о своей жизни, начиная с раннего детства, а также дает экскурсы в биографию отца. Сообщаются те моменты биографий, которые так или иначе связаны с сюжетообразующим событием в романе – убийством Летгамом своей жены. После убийства Георг приговорен к пожизненному заключению в колонии на острове С. Здесь в группе других исследователей он изучает желтую лихорадку и способы заражения ею (Э. Вайс использует реальные медицинские факты исследований в 1900 г. на Кубе микробиологов и врачей Уолтера Рида, Джеймса Кэррола, Джесса Лэзира и Аристид Аграмонте). Выживший после самоотверженного эксперимента, проведенного исследова-

телями на себе, Георг вместе с доктором Каролусом устанавливают, что переносчиком болезни является особый вид комаров. Дальнейшая их деятельность на острове связана с профилактической дезинфекцией местности, а исчезнувшая на этой территории болезнь стала свидетельством верности их открытию. Такова сюжетная канва произведения.

Большое количество литературных, религиозных и исторических образов (Гамлет, Раскольников, Мефистофель, Христос, Иов, Кафка, сам Вайс), на идентификацию с которыми претендует главный герой Вайса, затрудняют выделение ведущей в интерпретации героя черты и порождают фрейдистски мозаичный портрет Летгама.

Гамлетовское в романе связано не только с именем героя. В тексте встречается несколько видов рецепции «Гамлета» Шекспира. Во-первых, это отдельные случаи цитирования шекспировского текста. Несколько раз встречается рассуждение об образе Гамлета. В романе четыре раза упоминается трагедия «Гамлет», из них трижды – в сочетании с Евангелием [6, s. 197, 328, 339, 372]. С момента вынесения приговора Георга сопровождают две книги: Евангелие и «Гамлет» Шекспира [6, s. 197]. Романная эволюция героя проходит от идентификации себя с Гамлетом к отказу от этой идентификации и обращению к христианской религии. В то же время история жизни Летгама разворачивается как ответ на вопрос «быть или не быть?», причем мировоззрение героя эволюционирует от философии небытия к активной, социально включенной позиции. Во время болезни главного героя автор называет конкретное место книги, откуда больному читали вслух, – начало второго акта, где возникает мысль о безумии Гамлета. Такие упоминания шекспировской трагедии или ее центрального героя выполняют функцию акцентировки внимания на изображаемых событиях.

Во-вторых, это наличие в романе образов, претендующих на идентификацию с шекспировскими персонажами: отец и сын, которых зовут одинаково – Георг Летгам, так же, как в шекспировской трагедии и убитого короля, и принца Датского звали Гамлет. В отличие от драмы Шекспира, в романе Вайса неполная структура – отсутствуют фигуры матери (она умерла в раннем детстве Георга) и дяди (брат матери пропал еще до ее смерти), а месть направлена собственно на отца. (Обвинение в жестокости мира падает не на дядю, а на все человечество и, самое главное для героя, на него самого, в силу его принадлежности человеческому роду. А в последнем виновен уже его отец, которому и адресована месть героя.) Однако такая позиция не противоречит коренным образом тем трактовкам «Гамлета», где бездействие шекспировского Гамлета в духе фрейдизма понимается как сочувствие Клавдию, как желание самому убить собственного отца в качестве реализации Эдипова комплекса.

В-третьих, это комплекс мотивов, перекликающихся с шекспировским «Гамлетом». В описании главного героя Э. Вайс использует, гиперболизируя их, те закрепившиеся в немецком национальном литературном сознании гамлетовские черты, которые актуальны в экспрессионизме в целом: эмоциональная напряженность, отчужденность, одиночество, сосредоточенность на внутренних переживаниях героя, мотив боли и дегуманизации при общем гуманистическом настрое произведения.

Наконец, в романе Э. Вайса присутствуют гамлетовские ситуации, в которых оказывается Георг Летгам-младший. Его отец, подобно духу коро-

ля Гамлета, раскрывшего принцу Датскому тайну своей смерти, открывает сыну глаза на реальную, по его мнению, жизнь, на ее ужасы и катастрофы: «Больше я не видел снов. Как и Гамлета, отец разбудил меня» [6, s. 153], – говорит заглавный герой. Для Летгама он такой же посланник ада, открывающий страшную правду, как и дух короля для принца Датского. В рассказах сына отец Летгам старший предстает титаническим, губительным духом, губительным в первую очередь для сына.

Видя эту аналогию в своей и гамлетовской судьбе, Георг развивает это сравнение и дальше, задавая риторическим вопросом, почему Гамлет не считается убийцей, хотя он убил «только» Полония, «словно для потехи, прогнул его как <...> крысу, за ковром, чтобы послушать, как она пискнет. А ведь он был Гамлетом!» [6, s. 153]. Разрешение этого риторического вопроса-восклицания Георгу откроется позже, когда перед ним встанет еще один гамлетовский вопрос: насколько оправдано зло, осуществляемое во имя добра и справедливости. В результате внутреннего развития для Летгама станет очевидным ответ: месть или наказание одного человека не являются достаточным оправданием для убийства другого; пожертвовать здоровьем и жизнью нескольких людей можно ради спасения жизней тысяч.

Гамлетовские ситуации реализуются в сюжетной линии, во многом являясь ее движущим элементом. Действие романа развивается в аспекте искупления вины. Реальная вина и вина, существующая лишь в сознании героя, озвучиваются в первой части произведения, которую условно можно обозначить как перечень преступлений. Вторая часть посвящена расплате за данные преступления, искуплению вины. Писатель дает многоуровневую систему виновности, состоящую из трех пластов. На уровне фавулы это убийство главным героем своей жены – единственное преступление, физически осуществленное героем, которое осмысливается им как месть отцу. Тесно связанные между собой второй и третий уровень касаются темы наследственной вины.

Во-первых, это наследственная вина в существовании мирового зла, мировых злодеяний и катастроф, в которых виновны все люди в совокупности: «...начиная с ранней юности (бессознательно?) меня давило тяжелое чувство вины, задолго до того, как я действительно стал виновен. <...> Когда я узнал о катастрофе, похожей на те, о каких ежедневно публикуют в каждой газете, когда я познал ее моими слишком рано открывшимися глазами, кого я должен был обвинить? Кого, если не себя? Только себя и мне подобных. Господь был справедлив. Виновна сама человеческая природа. <...> Виновны были все. <...> Это тупое чувство вины я ощущаю столько, сколько помню себя...» [6, s. 389].

Во-вторых, это вина всевластного отца перед сыном в его духовном подавлении в детстве, ответственность за которую Летгам младший переносит на себя. В тревожном тоне произведения звучит предостережение от образа «сверхотца», идеала, подавляющего волю как предчувствие предстоящего кризиса. В отличие от шекспировского Гамлета, отец Летгама жив, и именно это делает его для сына столь ужасным. Автор предлагает сложную психологическую мотивировку отношения сына к отцу. Герой старается утвердиться против чрезмерной власти отца. Летгам мстит отцу за то, что он убил в нем человека и одновременно переносит на себя эту вину отца и внутреннюю необходимость искупить ее.

Отцовское воспитание планомерно отбивает в маленьком Георге радость жизни, веру в человеческое, создает в сыне представление о жестоком, бесчестном мире, где каждый должен бороться за свое существование. Ради этого отец прибегает к жестоким методам воспитания, травмировавшим детскую психику.

Вайс во фрейдистском духе описывает, как отец наглядно показывает своему сыну два животных инстинкта, царствующих в мире: эрос и танатос, – в отвратительно натуралистичной сцене спаривания двух крыс и пожирания более сильной и крупной самкой самца [6, s. 150]. Для маленького Георга эпизод с крысами стал первым уроком «любви», которую он узнал «не на примере Ромео и Джульетты, а на примере крыса и крысихи» [5, s. 152], и которая с этого момента стала для него невозможной. Именно после этого поучительного урока, Георг говорит о себе: «...я стал человеком, который был способен сделать то, что я совершил...» [6, s. 153].

В результате отцовского воспитания Георг не умел смеяться и плакать, не мог верить и любить. В зрелом возрасте сформированная отцом картина отчужденного, жестокого мира проявляется, например, в страхе иметь своих детей: «Я боялся возложить на себя ответственность за появление еще одного существа в этом ужаснейшем из всех миров» [6, s. 42], – это было одной из причин, почему Георг женился на женщине (старше него на десять лет), которая, в силу своего возраста, вряд ли могла иметь еще детей. Другой причиной брака было одиночество Летгама, его попытка сбежать от самого себя [6, s. 42]. По этой же причине, поясняет сам Летгам, люди начинают употреблять алкоголь, морфий, кокаин. Постепенно у Георга возникло неодолимое желание освободиться от «собачьей» с оттенком мазохизма привязанности жены.

К моменту совершения убийства в сознании Георга происходит смещение – он не знает, кому адресовано его чувство ненависти – отцу или жене. Лишь после убийства твердо признается себе: «Я ненавидел его (отца), мою жену нет» [6, s. 53].

Период с детства до зрелости Георга Летгама – это поэтапное отчуждение от людей, прогрессирующее безразличие к людям, дискомфорт в обществе и уход в одиночество. Если, будучи молодым специалистом, Летгам проводил опыты на животных, чтобы однажды спасти хоть одного человека, то со временем бактериологические эксперименты стали предметом самолюбия, а их целью – первым сделать открытие. Опыт Первой мировой войны, в которой Георг участвовал как военный врач (факт из биографии самого писателя), подтвердил ему, что человеческая жизнь не представляет никакой ценности [6, s. 27]. После Первой мировой войны Георга больше не интересовали болезни людей, ему стало безразличным, приведет ли лечение к выздоровлению или нет. Пиком его безразличия к жизни и людям и становится убийство жены, символизирующее убийство отца. Летгам-старший понял это «метафоричное» убийство, испугался и скрылся из города. Больше отец с сыном не виделись. Так произошло освобождение от чрезмерной власти отца, изгнание его разрушительного духа.

Пожизненное заключение в исправительной колонии становится искуплением физического убийства жены и символического убийства отца. Одно временно Георг искупает вину отца перед собой в духовном подавлении

и унаследованную от отца вину в мировых катастрофах. Искупление вины проходит как решение гамлетовского вопроса об оправданности зла ради благих целей.

На острове С., куда отправили осужденных отбывать срок, для Летгама начинается поворот в сторону жизни. Первым незначительным шагом к утраченной человечности было то, что Георг избегал собственноручно проводить опыты на животных и занялся лабораторными экспериментами с образцами тканей больных животных [6, s. 250]. В отношении собственной рефлексии о медицинской деятельности Георг вновь вспоминает Гамлета, искажая его слова в известном монологе: «Совесьь делает из нас всех рабов» [6, s. 41]. Следует отметить, что академический перевод Шлегеля «So macht Bewusstsein Feige aus uns allen» передает точное значение ключевого слова «трус» у Шекспира: «Thus conscience does make cowards of us all» [7, p. 1147]. Однако герой признается, что, в отличие от Гамлета, его совесть и сочувствие никогда не были достаточно сильны, чтобы коренным образом повлиять на его жизнь. Затем Летгам называет Гамлета «прототипом последнего европейца» [6, s. 41]. Летгам и сам на протяжении романа выглядит «последним», «единственным». В первой части романа он единственный задается вопросами совести в отношении опытов на животных, в конце романа – мучается необходимостью опытов на людях, результат которых бесценен для целого человечества, несмотря на страдания подопытных людей, жизнь которых в свою очередь самоценна. Так, герой Э. Вайса оказывается в гамлетовской ситуации гуманистического выбора.

Проходя через испытания чувствами душевными (потеря близких людей) и физическими (собственная тяжелая болезнь), Георг становится на путь сближения с людьми, становится способен испытывать чувства дружбы, привязанности (к доктору Вальтеру, осужденному Марчу). Наконец, Георг впервые испытывает трагическое чувство любви к девочке, больной желтой лихорадкой.

В страстном и бессильном желании вылечить Монику Летгам начинает верить, на что не способен был прежде: в случайных явлениях видит предзнаменования ее выздоровления, в своем отчаянии мысленно обращается к Богу [6, s. 284]. Незадолго до ее смерти случай подталкивал Георга избавить девочку от страшных мучений, сделав инъекцию яда: «Действенный яд или бездейственное лекарство?» [6, s. 287]. Однако Георг не сделал этот эмоционально подготовленный шаг, дав судьбе идти своим путем. Во время раздумий о том, осуществлять ли смертельную инъекцию, Георгу вспомнилась его убитая жена. В этот момент героя озарило, насколько бессмысленным было его преступление и в чем смысл наказания: «Частью моего искупительного наказания было наблюдать мучительный конец моей любимицы и не быть в состоянии помочь. <...> Но я осознал, что человеческая жизнь имеет абсолютную ценность. <...> Только когда мое безрассудное, заблудшее сердце привязалось к человеку, неразрывно, вопреки рассудку, теперь меня могла настичь потеря, я мог искупить вину. Мог? Нет! Нет! Должен» [6, s. 287–288].

Именно теперь на смертном одре своей любимицы вместе с пониманием самоценности человеческой жизни, сознанием не воображаемой (наследственной вины в мировых катастрофах и переносе на себя вины отца перед сыном), а своей настоящей вины (в убийстве жены), Георга начинает терзать

раскаяние в содеянном: «Если бы я никогда не убивал, если бы я никогда не появлялся здесь» [6, s. 288]. «Не мог ли я уйти от моей покойной жены, и от нее, не сделав того, что я сделал?» [6, s. 288].

В результате Летгам декларирует: человек не имеет права лишать жизни другого человека: «Для чего убивать, заставляя человека страдать? Убивать должна безжалостная природа или Бог» [6, s. 288].

С момента появления Георга на острове С. развитие его образа проходит по линии избавления от гамлетизма, от «красот «Гамлета» к «мудрости Евангелия» [6, s. 328]. Одним из вербализированных моментов этого избавления стало сознание вины и смысла наказания, осмысленности существования: «Я осознал связь между прошлым и будущим» [6, s. 287]. Летгам обретает связь времен, которую трагически потерял Гамлет. Для Георга эта связь заключается в его прошлых деяниях и нынешних страданиях искупления.

От сознания самоценности жизни Летгам идет к ее физическому ощущению и желанию жить. После принятия решения об эксперименте заражения желтой лихорадкой на себе еще возникают гамлетовские сомнения: «Думают, размышляют. Колеблются. Противоречат сами себе. Каждый мыслящий человек немного Гамлет, когда речь заходит о поступке» [6, s. 325].

Тем не менее к моменту начала эксперимента Гамлет уже сыграл свою роль в жизни Георга («к чему цитировать эту вещь, довольно, она исполнила свою роль» [5, s. 339]). Вскоре Георг Летгам полностью примет жизнь, в том числе собственную, и начнет действенную борьбу за жизни других людей. С началом эксперимента приходит чувство страха за свою жизнь [6, s. 347], размышления о прелести жизни [6, s. 354, 355], несвойственные ему прежде. Летгам становится способен смеяться, а не имитировать чужой смех. С момента своего заболевания желтой лихорадкой Летгам уже думает лишь о том, чтобы спасти свою жизнь [6, s. 363]. Э. Вайс акцентирует внимание на том, что во время болезни героя его товарищи из двух книг выбирают ему для чтения вслух Евангелие, а не «Гамлета» [6, s. 372, 375].

На третий день болезни в горячечном бреду Георг слышит голоса: «Доктор Георг Летгам умер». «Младший?» «Оба» [6, s. 375]. В момент физического кризиса окончательно ушел в небытие прежний доктор Георг Летгам-младший, с его зависимостью от отца, болезненным чувством вины. Его собственная болезнь желтой лихорадкой стала своеобразным катарсисом для Летгама. В момент улучшения, после первой фазы болезни, возникает желание жить, появляется то, чего Георг лишился уже задолго до оглашения приговора: «счастье, чувство выздоровления и радость бытия и надежда, которую ничем нельзя было разрушить» [6, s. 390].

В одном из заключительных аккордов на стороне жизни звучит помощь Летгама при сложных родах вдове доктора Вальтера (исторический прототип – доктор Джесс Лэзир), погибшего в процессе эксперимента. Георгу необходимо решиться на операцию. Подобно Гамлету он еще колеблется, имеют ли смысл его действия и будут ли иметь успех. За секунду до принятия решения оперировать перед Летгамом мелькает призрак отца [6, s. 442], но он уже не властен над Георгом. Георг отталкивает и сомнения, и мелькнувший образ отца и помогает «родиться человеку» [6, s. 444] – фактически осуществляет то, чего так боялся прежде, – дать жизнь новому человеку. Герой забывает мысли о самоубийстве, мучавшие его последнее время [6, s. 448] и испытыва-

ет «животное чувство счастья» и «небесное облегчение» [6, s. 454]. С рождением ребенка, которого вдова Вальтера хотела назвать двумя именами – в честь умершего мужа и Георга, принявшего роды, вина Летгама окончательно искуплена. Вскоре Летгам вместе со своим новым отцом, которого он нашел в старом докторе Каролусе, одном из участников эксперимента, раскрыл способ заражения желтой лихорадкой и методы профилактики – свершилась «великая победа врача над смертью» [5, s. 43]. Роман заканчивается строками о процветающей местности, освобожденной от смертельной болезни.

Главный герой признается, что не назвал своего настоящего имени, что еще раз подчеркивает – он не Летгам, т.е. не Гамлет, а точнее – теперь не Гамлет.

Итак, искупление всех аспектов вины проходит после осуждения героя и соответствует каждому «уровню» виновности. Личная вина в убийстве не любимой жены искупается необходимостью героя как врача присутствовать при мучительной смерти от желтой лихорадки девочки-подростка, к которой он впервые в жизни испытал чувство любви. Вину отца перед собой, воплотившуюся в представлении героя о страшном и жестоком мире и, как следствие, боязни давать жизнь собственным детям, Георг символически искупает помощью при сложных родах. Надуманная совиновность в мировых катастрофах снимается открытием доктором Летгамом путей спасения от желтой лихорадки. Гамлетовская ситуация раскрытия отцом сыну «правды жизни», вызвавшее трагическое отчуждение героя, постоянное чувство боли, надрывного эмоционального напряжения в духе экспрессионизма, ситуация, спровоцировавшая другую гамлетовскую ситуацию – проблему выбора между действием и бездействием, и осмысление степени собственной виновности в каждом варианте, разрешается обращением героя к активному действию в гуманистическом свете. Одновременно искупление чувства вины проникнуто духом христианства и идет по пути избавления от гамлетизма, чувства собственной избранности к единению с людьми.

Таким образом, роман Э. Вайса вписывается в целый ряд немецких произведений XX в., где гамлетизм центрального персонажа связано со злом, болезнью эпохи. Лишь при разрешении мучающих вопросов, преодолении стоящих проблем для немецких героев становится возможным избавиться от самоидентификации с Гамлетом, что в свою очередь является необходимым условием для продолжения физически и психически здорового, духовно свободного существования наравне с другими людьми.

Список литературы

1. **Harwood, S.** Shakespeare cult in Germany from the sixteenth century to the present time / S. Harwood. – Sydney, 1907. – 52 p.
2. Shakespears «Hamlet» auf der Wanderbühne des 17. Jh. – Hamburg : Gram, de Gruyter, 1958.
3. **Brennecke, E.** Shakespeare in Germany 1590–1700. With Translations of Five Early Plays / E. Brennecke. – Chicago : The University of Chicago Press, 1964. – 301 p.
4. **Ясперс, К.** Вопрос о виновности. О политической ответственности Германии / К. Ясперс. – М. : Прогресс, 1999. – 146 с.
5. **Loquai, F.** Hamlet und Deutschland: zur literarischen Shakespeare-Rezeption im 20 / F. Loquai. – Stuttgart : Metzler, 1993. – 256 s.
6. **Weiß, E.** Georg Letham. Arzt und Mörder / E. Weiß. – Baden-Baden : Suhrkamp, 1982. – 511 s.

7. **Shakespeare, W.** The Tragedy of Hamlet, Prince of Denmark / W. Shakespeare // The Riverside Shakespeare. – Boston : Houghton Mifflin Company, 1974. – P. 1135–1197.

References

1. Harwood S. *Shakespeare cult in Germany from the sixteenth century to the present time*. Sydney, 1907, 52 p.
2. *Shakespears «Hamlet» auf der Wanderbühne des 17. Jh.* [Shakespear's Hamlet at the traveling theater of the 17th century]. Hamburg: Gram, de Gruyter, 1958.
3. Brennecke E. *Shakespeare in Germany 1590–1700. With Translations of Five Early Plays*. Chicago: The University of Chicago Press, 1964, 301 p.
4. Yaspers K. *Vopros o vinovnosti. O politicheskoy otvetstvennosti Germanii* [Problem of guilt]. Moscow: Progress, 1999, 146 p.
5. Loquai F. *Hamlet und Deutschland: zur literarischen Shakespeare-Rezeption im 20* [Hamlet and Germany: literary reception of Shakespear in XX century]. Stuttgart: Metzler, 1993, 256 p.
6. Weiß E. *Georg Letham. Arzt und Mörder* [Georg Letham. Art and murder]. Baden-Baden: Suhrkamp, 1982, 511 p.
7. Shakespeare W. *The Riverside Shakespeare*. Boston: Houghton Mifflin Company, 1974, pp. 1135–1197.

Колпакова Светлана Георгиевна

кандидат филологических наук,
преподаватель, кафедра немецкого
языка, Институт языка, Казанский
(Приволжский) федеральный
университет
(Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Кремлевская, 18)

E-mail: 42029.tschistovi@mail.ru

Kolpakova Svetlana Georgiyevna

Candidate of philological sciences, lecturer,
sub-department of German language,
Institute of Language, Kazan (Volga
Region) Federal University
(18 Kremlyovskaya street, Kazan,
the Republic of Tatarstan, Russia)

УДК 821.112.2

Колпакова, С. Г.

Немецкий Гамлет: прорыв к гуманизму в дегуманизованном мире по роману Э. Вайса «Георг Летгам. Врач и убийца» / С. Г. Колпакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 2 (30). – С. 105–113.